

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ



УДК: 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-47-74

## О ФИЛОСОФИИ ПЕРЕВОДА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТРАНСЛАТОЛОГИИ

**Эдуард Николаевич Мишкuroв**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,  
г. Москва, Россия

Для контактов: e.mishkurov@mail.ru

**Аннотация.** В настоящей статье впервые в систематизированном виде представлена философская картина современной отечественной транслатологии. Отмечается, что как отечественная философия во всех её отраслях, так и отечественное переводоведение по разным основаниям ныне не имеют статуса самостоятельных наук. При этом философия на объективно-субъективных экзистенциальных основаниях проявляет повышенный интерес к феномену перевода в области дискурсивно-людского поведения носителей языка. В одиннадцати разделах работы последовательно представлена следующая проблематика: марксистско-ленинское учение о лингвистике и переводе как её составной части в виде «ЛТП»; философско-переводческие взгляды таких отечественных учёных, как: С.Л. Фокин, Н.С. Автономова, А.В. Смирнов, Е.С. Тейтельбаум, М.Э. Рябова, К.А. Павлов-Пинус, Е.Н. Шульга, В.В. Миронов и др.; дискурсивно-людское и когнитивно-герменевтическое учение о переводе; типологическая классификация дискурсов на уровнях переводоведческой, переводческой и переводной трактовок, а также функционирование гибридного теоретико-методологического и дидактического академического дискурса. Акцентировано внимание на появлении облигаторной философской составляющей в корпусе современных вузовских учебно-методических пособий по теории и практике перевода. В качестве примера философско-переводческой критики приводится фундированный анализ С.Л. Фокина неудачного перевода на русский язык «Книги Гостеприимства» французского писателя Эдмона Жабеса, выполненный А. Давыдовым, в частности, по причине уничижительно-пренебрежительного отношения к родному русскому языку. Основным выводом исследова-

ния является максима о том, что философско-интеллектуальный способ мышления лежит в основе дискурсивно-людического, когнитивно-герменевтического, а также лингвокультурологического, этнопсихолингвистического и прочих активно развивающихся отечественных научно-методологических подходов к проблемам транслатологии, которые способствуют созданию оптимальных условий для подготовки переводческих кадров на нынешнем этапе развития человеческого общества.

**Ключевые слова:** русскоязычная философско-переводческая мысль; переводческая функция «чистого смысла»; дискурсивно-людическое и когнитивно-герменевтическое учение о переводе; переводческий когнитивно-герменевтический методологический стандарт; переводоведческий, переводческий и переводной дискурсы; гибридный теоретико-методологический и дидактический академический дискурс

**Для цитирования:** Мишкuroв Э.Н. О философии перевода в современной отечественной транслатологии // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. №. 4. С. 47–74. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-47-74

Статья поступила в редакцию 28.08.2024;  
одобрена после рецензирования 17.09.2024;  
принята к публикации 22.09.2024.

## ON THE PHILOSOPHY OF TRANSLATION IN RUSSIAN TRANSLATOLOGY TODAY

**Eduard N. Mishkurov**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: e.mishkurov@mail.ru

**Abstract.** The paper deals with a philosophical picture of modern domestic translation studies presented for the first time systematically. It is noted that for various reasons both philosophy in all its branches and domestic translatology do not have the status of independent sciences. At the same time, philosophers are currently interested in the phenomenon of “translation”, because of some objective-subjective existential reasons for native speakers’ discursive-ludic behavior. The following problems are consistently presented in eleven sections of the work: the Marxist-Leninist doctrine of linguistics and translation as its integral part; philosophical and translation views of such Soviet/Russian scholars as: S.L. Fokin, N.S. Avtonomova, A.V. Smirnov, E.S. Teitelbaum, M.E. Ryabova, K.A. Pavlov-Pinus, E.N. Shulga, V.V. Mironov and others; discursive-ludic and cognitive-hermeneutic doctrine of translation; typological classification of dis-

courses including “translation studies discourse”, “translator’s discourse” and “translated discourse”, as well as the functioning of a hybrid theoretical-methodological and didactic “academic discourse”. The emergence of an obligatory philosophical component in the corpus of modern university teaching aids on the theory and practice of translation is emphasized. An important practical part of the paper includes S.L. Fokin’s in-depth analysis of the Edmond Jabès’s “Book of Hospitality” translation from French into Russian made by A. Davydov who had a derogatory and dismissive attitude towards his native Russian language.

The main conclusion of the study is the maxima that the philosophical-intellectual way of thinking is the basis for discursive-ludic, cognitive-hermeneutic, as well as linguacultural, ethnopsycholinguistic and other actively developing domestic scientific-methodological approaches to the problems of translation studies. Such approaches contribute greatly to the creation of optimal conditions for the translators’ training at the current stage of human society’s development.

**Keywords:** Russian philosophical and translation thought; translation function of “pure meaning”; discursive-ludic and cognitive-hermeneutic doctrine of translation; translation cognitive-hermeneutic methodological standard; “translation studies discourse”, “translator’s discourse” and “translated discourse”; hybrid theoretical-methodological and didactic academic discourse.

**For citation:** *Mishkurov E.N. (2024) On the philosophy of translation in Russian translatology today. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 4. P. 47–74. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-47-74*

The article was received on August 29, 2024;  
approved after reviewing received on September 17, 2024  
accepted for publication on September 22, 2024.

Существование перевода является серьёзным  
вызовом лингвистической теории и философии...

Джон Р. Фёрс  
(John R. Firth)

## Введение

1. Для обретения официального статуса самостоятельной научной / академической дисциплины отечественному переводоведению крайне необходимо приобрести своё собственное современное «философское лицо». До сих пор наука о переводе в России официально находится в лоне лингвистики (Мишкuroв, 2024).

Парадоксально звучит, но в контексте темы нашего исследования напомним, что философия, ставшая ещё с древних времен праматерью многих наук, ныне сама по себе наукой не считается: «Философия — особая форма общественного сознания и познания мира, вырабатывающая систему знаний о фундаментальных принципах и основах человеческого бытия, о наиболее общих сущностных характеристиках человеческого отношения к природе, обществу и духовной жизни во всех их основных проявлениях» (Философия, 2006: 909).

В рамках общей трактовки объекта, предмета, целей и задач философии существует множество «отраслевых философий», в том числе: «Философия науки», «Философия культуры», «Философия политики», «Философия религии», а также «Философская антропология», «Философская логика» и др.

В числе «и др.» научный интерес для нас представляют такие отрасли «Философии», как-то: «Философия языка», «Философия перевода» и иные коррелятивно связанные с последними разнообразными аспекты философски ориентированных социально-гуманитарных наук, в числе которых находим герменевтику, дискурсологию, синергетику и пр.

Любопытно схожими и сопоставимыми, тесно связанными являются судьбы философов и переводчиков. Их — учёных-носителей, породивших знания о судьбах человечества и гонцов-передатчиков их учений другим народам на различных иномыслах то возносили до небес, пуская слезу, то безжалостно сжигали на кострах. Моральные (дисциплинарные) гонения на них нередки и в наше время!

О значимости философии для людей древнегреческий мудрец Эпикур (341–270 до н.э.) мудро изрёк: «Пусть никто в молодости не откладывает занятия философией, а в старости не устаёт заниматься философией! Кто говорит, что ещё не наступило или не пришло время для занятий философией, тот похож на тех, кто говорит, что для счастья ещё не наступило или не пришло время!».

## **Об исторических параметрах отечественного переводоведения**

2. Немного истории о теоретических параметрах научной деятельности советских учёных-лингвистов и переводоведов. Их научные трактаты в обязательном порядке включали в себя три составляющие части — философский «марксистско-ленинский зачин», общенаучную составляющую рассматриваемой в работе проблемы и затем её частные конкретные аспекты исследования.

К примеру, в статье-отчёте видного советского филолога В.И. Кодухова «Развитие лингвистической теории в Академии наук СССР» находим неперемнную соответствующую философско-идеологическую отсылку: «Теория советского языкознания базируется на прочных марксистско-ленинских философских основах и на практике языкового строительства в нашей стране <...> оно едино по своим философским основаниям, по вниманию к социальному аспекту и разнообразию конкретного материала, по интересу к содержательной и функциональной стороне языка при учёте его формальных и системных особенностей, по постоянным поискам доказательных и эффективных приёмов и методик исследования» (Кодухов, 1974: 27, 37).

Ныне научные исследования зиждутся на пунктах 2 и 3, т.е. на общенаучной и частнонаучной составляющих искомой проблемы. Философский марксистско-ленинский аспект в научных исследованиях лингвистов и переводоведов в настоящее время практически исключён.

Цель нашего исследования заключается в доказательстве необходимости восстановления обязательной философской константы в переводоведческих трудах, но на основе постулатов новейших философских отечественных и зарубежных учений о языке и переводе в ином научно-теоретическом и практическом курсах.

Напомним, что отечественное переводоведение с момента выхода книги А.В. Фёдорова «Введение в теорию перевода...» и поныне рассматривается многими учёными или по крайней мере официально как прикладная часть к лингвистике.

В значительной степени этому феномену способствовал авторитет выдающегося учёного Р. Якобсона, который в своей работе “On Linguistic Aspects of Translation” категорически настаивал на том, что “Any comparison of two languages implies an examination of their mutual translability; *widespread practice of interlingual communication, particular translating activities, must be kept under constant **scrutiny** by linguistic science*” (Jakobson, 1966: 234).

Существуют минимум три варианта перевода данного высказывания в монографии В.Н. Комиссарова «О лингвистических аспектах перевода» и в сборнике трудов зарубежных учёных под его редакцией, ср.: «...широко распространённая практика межъязыковой коммуникации, **в частности** переводческая деятельность, должна постоянно находиться под **пристальным** (в других редакциях: **неусыпным, постоянным**) наблюдением лингвистической

науки» (Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике, 1978: 18–19; Комиссаров, 1990: 21; Комиссаров, 1999: 34).

Тем не менее, даже в это время узкоспециальные философские вопросы находили в трудах учёных своё место с целью решения соответствующих прагматико-теоретических вопросов. Освещались такие вопросы, как «свобода и необходимость», «абсолютное и относительное», «сознательное и бессознательное», «образное и безобразное», диалектика абстрактного и конкретного. Далее стали подниматься вопросы аксиологии, а также проблемы интерпретации, герменевтики и других теоретико-практических направлений. Однако широких научно-теоретических философских обобщений и специальных трудов в отечественном лингво-переводоведении ещё не было.

Решение вопросов философии лингвистики и философии перевода, т.е. изучение сходств и различий в данной проблематике, осложняется следующими обстоятельствами: 1) в период, когда перевод рассматривался как прикладная часть к лингвистике, философские проблемы лингвистики и перевода шли как бы в одном русле. Однако с выделением перевода в самостоятельную науку неизбежно возникло размежевание собственно философско-языковых проблем и философско-переводческих проблем. С другой стороны, возникает вопрос: 2) если переводоведение и лингвистика разные дисциплины, то означает ли это, что они находятся под «разными философскими зонтиками»?

Прежде всего следует опровергнуть существующее мнение, что русские философы вообще не занимались проблемами перевода и его корреляцией с соответствующими разделами философии.

### **Современные переводоведческие концепции отечественных философов**

3. В этой связи обратимся к трудам известного советского и российского философа, литературоведа и переводчика С.Л. Фокина, который много сделал, в частности, для популяризации переводоведческих трудов А.В. Фёдорова.

Так, в своей статье «К философии перевода: будущее одной науки» учёный констатирует, что «русская философия (длительное время) не воспринимает перевод как свою институциональную задачу». Наряду с рассмотрением проблемы языка философии он выдвигает основополагающий тезис о крайней необходимости «осмыслить понятие “философия перевода” в различных институциональных аспектах.

Он считает, что «философия жить не может без перевода, хотя далеко не всегда даёт себе труд осознать свой “переводящий характер” и что философ философу, — шутит он, — не столько волк, сколько переводчик». В сущности, подчёркивает учёный, «онтологическая проблема перевода заключается в том, что всякий раз, когда мы думаем, что мы, наконец, думаем, мы просто забываем, что только и делаем, что переводим, забываем, кого переводим и с какого языка».

С.Л. Фокин пеняет русской философии «за то забвение, которому она предала перевод», в отличие, например, от немецкой или французской философских традиций, которые «потрудились над тем, чтобы дублировать свой мыслительный опыт сколько-нибудь развитой философией перевода»<sup>1</sup>.

В сущности, резюмирует учёный, «философия, которая не ставит перед собой задачу Перевода, обрекает себя на жизнь без Языка». Свою задачу он видит в том, «чтобы на основе метафизического родства наметить очертания **новой науки, в которой философия и перевод соединились бы в живых прениях о философии перевода**». При этом подчёркивается, что «с самого начала следует принять такую мысль, что философия перевода не есть только деятельное признание философией своего родства с переводом; нет, философия перевода заключает в себе историческое становление идеи перевода в тесной связи с идеей философии, как она развивается в той или иной национальной культуре».

По большому счёту вопрос о переводе в рефлексии учёного возникает в национальной культуре исключительно в кризисные, или пороговые, моменты исторического становления, когда нация сталкивается с необходимостью помыслить самоё себя, что прямо соответствует вопросу: что такое нация. И оба этих вопроса немислимы без вопроса, что такое язык». Вопрос о статусе перевода и его роли в жизни общества приобретает в учении Фокина уровень «взаимодействия или даже дуэль национального и инационального». Учёный указывает, что «источником и движущей силой перевода должно быть не **филологическое начётничество**, а политический или национальный разум — политика философии вообще».

---

<sup>1</sup> Парадокс «переводческой ситуации в России заключается в том, что именно великие русские писатели и поэты, как правило, обязательно занимались в той или иной степени переводами». Перевод развивался через литературу (Тредиаковский, Жуковский, Пушкин, и др. — См.: *Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т.* Наука о переводе от древности до наших дней. 2-е изд. М.: Флинта, 2008). А философия отставала, занимаясь богоискательством.

Таким образом, автор усматривает свою важнейшую задачу в том, чтобы «*наметить очертания новой науки, в которой философия и перевод соединились бы в живых прениях о философии перевода*» (Фокин, 2010(а)).

И на этом пути есть уже определённые успехи, пишет С.Л. Фокин в другой статье, приветствуя появление работы Н.С. Автономовой «Познание и перевод» (2008), публикация которой «знаменует начало вхождения современной русской философии в век перевода, в пространство европейской философии перевода» (Фокин (б), 2010: 112).

4. Н.С. Автономова как философ-переводовед, специалист в области западноевропейской философии вполне аргументированно констатирует, что «перевод — почтенное и почётное занятие. Это вечная профессия в мире, где есть торговля и дипломатия, наука и литература, философия и устройство повседневной жизни, словом, — потребность в общении людей разных языков и разных культур. Проблема перевода, некогда воспринимаемая как вопрос филологической техники, приобретает ныне философский статус».

Перевод, считает она, можно рассматривать как один из последних этапов на пути так называемого *лингвистического поворота* — после понимания, диалога, коммуникации. Перевод постепенно превращается в исследовательскую парадигму гуманитарного познания. Однако в хаотических ситуациях современной глобальной коммуникации на первый план часто выходит *идея непереводимости*... не отрицание самой возможности перевода, но скорее констатация трудностей переводческого процесса, который не может опираться на заранее существующие общности мысли и культуры, но сам создаёт их в своём развёртывании <...> У нас различные условия жизни, наши языки не взаимозаменяемы, они не накладываются один на другой. Их звуковая материя (означающая сторона) различна, они по-разному членят реальность. Причём чтобы показать это, нам не требуется даже обращаться к экзотическим языкам. Например, государственное сосуществование английского и французского в двуязычной Канаде подчас порождает большие проблемы: так, в области права сосуществование англоязычного (прецедентного) права и французского права (наполеоновского кодекса), имеющих свою, закреплённую в этих языках терминологию, серьёзно затрудняет правовое терминологическое взаимодействие. Перевод — это, прежде всего, разные опыты — исследовательские, переводческие, это испытания, которые претерпевают и оригинал, и язык переводчика, и сам переводчик, ответственный перед дву-



мя своими господами — оригиналом и родным языком, которые могут предъявлять к нему разные требования. <...> Как выйти из этой апории? Сложность в том, что любить всё в равной мере невозможно, а если блюсти немножко оригинал и немножко родной язык, это ни к чему хорошему не приводит». Автономова приводит следующий пример: «Если известный арабист или, скажем, философ из Китая, заинтересованный в общении с Россией, каждый со своей стороны, подчёркивают неперево́димость текстов (арабских или китайских, т.е. текстов своей культуры или изучаемой культуры), это, как правило, значит: учите арабский, учите китайский, пользуясь одними переводами, вы не получите доступа к самому, быть может, существенному. Тут, наверное, стоит развести два пути обсуждения проблемы неперево́димости, соответствующие цеховым разделениям: переводчики, которые ежедневно, если не ежечасно, сталкиваются с неперево́димым, переводят, несмотря ни на что, а теоретики могут строить по этому поводу любые конструкции, с которыми потом непонятно, что делать. Если же идти от опыта переводчика, то нам всегда есть, что обсуждать, есть, куда продвигаться. А потому поставленный вопрос стоило бы, наверное, переформулировать так: дело не в неперево́димости, но именно в переводе как проблеме» (Автономова, 2012: 7–10; подробнее см.: Мишкурин, Новикова, 2024).

Констатируя наличие различных подходов к переводу, автор считает, что «самые привычные и распространённые — лингвистические и культурологические, но есть и другие. Социологические подходы выясняют: кому выгодно, чьи интересы проводятся в выборе тех или иных произведений или стратегиях перевода. Культурно-антропологические рассматривают владение языком (а значит, и некоторые рудиментарные формы перевода) — эту одну из определяющих черт человека как вида — наряду с использованием орудий и погребением мёртвых; впрочем, современная философская антропология нередко трактует язык (и перевод) в негативном модусе — как нечто внешнее, несущественное, мёртвое, скрывающее внутреннюю динамику человеческого сознания и жизни. Выбираемый мной подход к переводу — эпистемологический, мне наиболее интересны перевод как познание и познание как перевод. Тем самым я ставлю во главу угла не художественный перевод..., но перевод в философии и социально-гуманитарном познании. <...> в переводе как практике неизбежно присутствуют интуиция, искусство, личностная вовлечённость, однако я подчёркиваю здесь познавательные, дискурсивные, интерсубъективно значимые аспек-

ты перевода и вижу в нём прежде всего помощника работающей мысли — рефлексивный ресурс, позволяющий по аналогии понять и другие механизмы научно-гуманитарного познания».

В итоге, Н.С. Автономова в плане *историко-философском* рассматривает перевод как последнюю во времени *форму проблематизации языка*: «После того, как главная тема философии — сознание, мыслящее само себя, — сменилось темой языка, последовали стадии того, что называют *лингвистическим поворотом*; на первый план последовательно выходили понимание, диалог, коммуникация, а вот теперь — перевод» (Автономова, 2012: 7–8).

5. Известный философ-арабист, переводчик средневековых арабоязычных философских трактатов А.В. Смирнов пишет: «Если Н.С. Автономова, исследуя проблемы языка философии и перевода философских текстов, отмечает, какие трудности встречаются на этом пути, то я пытаюсь решить немного другую проблему: благодаря чему перевод вообще возможен и какова роль «чистого смысла» в его реализации».

Он в статье «Философия перевода и перевод философии» в полемически заострённой форме представляет оригинальную точку зрения на сущность переводческой деятельности как логико-философского феномена на уровне выявления «чистого смысла»<sup>2</sup> как основы построения итогового переводного дискурсивного высказывания.

Автор пишет: «Есть внешний объективный и общий для нас всех мир, есть ситуации в этом мире, к которым *равно отсылает* и тот и другой язык. Этот общий мир, точнее, каждая конкретная ситуация в нём и служит посредником между языками, их общим знаменателем и мерилем, позволяющим приравнять высказывание на одном языке к высказыванию на другом. Вот почему мы можем понять и выучить незнакомый язык, а потом и переводить с одного языка на другой».

Учёный полагает, что «данное действие (перевод) возможно заключается в том, что они (фразы на ИЯ и ЯП) имеют один и тот же смысл». При этом необходимо объяснить, благодаря чему возможен перевод языкового выражения в некую ситуацию внешнего мира, — такую, какой она дана нам в нашем сознании». Сама «воз-

---

<sup>2</sup> Ср.: «В философии возможна и самостоятельная — *чистая теория перевода* при понимании языка как хаоса и относительно не зависящая от философских подходов и даже, наоборот, проясняющая их. Эта теория предполагает более глубокий для философии анализ перевода, так как выясняет сами условия его возможности» (Тейтельбаум, 2007).

возможность перевода обусловлена тем, что два выражения на разных языках (имеют) *равную отсылку к внешнему миру*», а поэтому «можно перевести исходное языковое выражение в результирующее через отсылку к ситуации внешнего мира».

Автор считает, что «если мысль действительно выполняет роль посредника в переводе, она должна иметь *внеязыковую природу и не может носить языковой характер* ... в переводе используются не естественные языковые формы конкретного языка, соответствия к которым мы ищем в языке перевода, а то, что в переводе мы опираемся на некий *универсальный язык мысли*, не имеющий прямого отношения ни к ИЯ, ни к ЯП».

В итоге автор подводит к выводу о наличии мысли, «не имеющей языковой формы», т.е. это некая «чистая мысль» — «чистый смысл», не имеющий языковой природы, «который лежит в основе всякого выражения». Перевод, если это подлинный перевод, а не подстановка слов по выученным алгоритмам, — проходит стадию чистого смысла». Исходный чистый смысл не дискурсивен по своей природе, и лишь потом обретает итоговую дискурсивную (переводную) форму.

Данный тезис автора, если его перевести на профессиональный переводоведческий дискурс, заключается в том, что переводчику на первом этапе не следует извлекать смыслы из языкового арсенала оригинала (ср. с методологией ЛТП), а сразу стремиться овладеть неким чистым смыслом, исходящим от оригинала и исходно понятным носителям других языков, на один из которых его следует облечь в дискурсивной форме на требуемом ЯП.

По ходу авторской рефлексии заметим, что его подход *de facto* коррелирует с теорией Р. Барта о «смерти автора» текста оригинала и переводческой манипуляцией, направленной на фактическое «забвение» исходных смыслов ИТ. Спору нет, если теория «чистого смысла» относится только к переводам как современных, так и древних философских текстов, то конечно без поисков «чистого смысла» трудно обойтись. Когда же А.В. Смирнов возвращается к общим проблемам перевода, то он констатирует, что перевод «проходит через ту стадию, когда в голове переводящего образуется что-то, что мы не можем выразить дискурсивно. Это — то, к чему мы приходим, когда слышим исходную фразу на языке оригинала и пытаемся её осмыслить: совершив усилие осмысления, придать этим словам смысл <...> Перевод со всей силой показывает нам неизбежность этой стадии чистого смысла, когда развёрнутость сворачивается в некоторую целостность — в некую свёрнутость,

которая таится у нас в душе и которая потом разворачивается как высказывание на результирующем языке. Так делается хороший перевод: почему такой перевод хороший? Потому, что в таком случае фраза на результирующем языке строится так, как если бы она была оригинальной, т.е. как если бы переводчик и был оратором (sic?! — Э.М.), высказывающимся на этом языке, как если бы он это сказал, а не переводил». Здесь у профессионального переводчика в реальной деятельности так и напрашивается ассоциация с философией Ф. Шлеермахера («Мы переводим либо ближе к автору, либо ближе к читателю?!») или Л. Венути («Мы переводим путём форенизации или доместикации?!»). С другой стороны, возникает вопрос: совпадает ли «чистый смысл» у разных переводчиков одного и того же произведения в одно и то же или разное время перевода? Другими словами, если одно и то же произведение переводится по-разному в разное время и разными переводчиками, можно ли предположить, что «чистый смысл» у них был одинаков?

Сопоставим два вывода, сделанных А.В. Смирновым: (1) «Хороший перевод осуществляется тогда, когда переводчик не осознаёт, как же он происходит (sic!) и (2) «Понять, как происходит перевод — значит овладеть тайной чистого смысла».

Автор разъясняет свой тезис — «Благодаря чему возможен перевод?»: перевод возможен благодаря тому, что связность исходного высказывания, пройдя стадию чистого смысла, превращается в связность результирующего высказывания. Это операция перехода через чистый смысл, операция развязывания и завязывания связности совершается переводчиком. <...>. Здесь автор как бы оговаривается, что «подтверждение истинности его исследования может быть доказана конкретной практикой перевода арабских философских текстов» (Смирнов, 2012: 40–58).

6. В качестве альтернативы вышеизложенному приведём точку зрения на проблему перевода другого философа — М.Э. Рябовой, которая в своих работах представляет несколько иное видение искомой проблемы.

Так, в своих статьях «Философские основы перевода» и «Философские основания перевода: между Сциллой и Харибдой» она поднимает ряд полемических вопросов, в том числе: «Может ли перевод стать в наши дни философской проблемой?», «Может ли модель отношений философии и перевода рассматриваться, с одной стороны, как воплощение индивидуальной неповторимости, с другой — всеобщности?», «Возможна ли в философии самостоятельная, чистая теория перевода?».

По её мнению, «большинство философских исследований, посвящённых переводу, анализируют перевод с точки зрения философской герменевтики (теории понимания и интерпретации), теории познания (часто — теории отражения), философии коммуникации и т.п., которые исследуют материал психологии, психолингвистики, семиологии, культурологии т.д.».

При этом М.Э. Рябова толкует сущность перевода не только как техническое, утилитарное средство решение повседневных задач, но и как «глубочайшее творчество, важнейшую форму интерпретации культур, их специфики, нормы, логики, пронизывающей всю интерпретацию как таковую». Важность перевода она видит в том, что «он создаёт базис для объединения людей на новой культурной основе... Перевод — всегда на грани культур и, следовательно, создаёт некоторую возможность взаимопроникновения культур в возрастающем количестве его сторон и аспектов... Повышается культурный потенциал человека, что в конечном итоге даёт новый стимул развития личности и общества в целом».

Рассматривая проблему соотношения языка и перевода, М.Э. Рябова соотносит специфику системы языка со спецификой национального мировосприятия, при этом подчёркивается, что адекватность понимания, как и точность перевода, есть вопрос репрезентации общего в частном. Этот неоднозначный процесс пронизан диалектической идеей: во-первых, происходит индивидуальное изменение и, во-вторых, через индивидуальное развивается коллективное, массовое. Тем самым вхождение человека в социокультурные контексты жизни даёт в конечном счёте новый стимул исторической динамике личности и общества в целом и формирует его взгляд на мир сквозь призму философии и перевода.

По поводу третьего вопроса философ отвечает вполне положительно: «Думается, что в философии возможна и самостоятельная, **чистая теория перевода**, относительно не зависящая от вышеуказанных философских подходов и даже, наоборот, проясняющая их. Эта теория предполагает более глубокий для философии анализ перевода, так как выясняет сами условия его возможности» (Рябова, 2017: 61–62).

От себя напомним, что данная идея адекватно была отражена ещё в высказывании Ж.-Р. Ладмираля: “Au lieu d’être une discipline de savoir, la traductologie est une discipline de reflexion” (Ladmiral, 1981: 4), т.е. будучи «**дисциплиной знания**», современное переводоведение приобретает статус «**дисциплины рефлексии**» (Мишкурлов, 2018: 874).

## О типологии дискурсов в отечественной транслатологии

7. Поясним на конкретном примере, как лингвофилософские исследования позволяют реально использовать их результаты в переводческом теоретико-прикладном плане.

Так, например, теория «языковых игр» позднего Л. Витгенштейна, концептуально базирующаяся на понятийном двуединстве феномена «языковая игра», которая тесно связана с искомыми формами речевой деятельности и соответствующими «формами жизни», т.е. их социокультурный статус реализуется во взаимопереплетении лингвистической и нелингвистической активности людей» (см.: Философия: энц. словарь, 2006: 938). «Языковые игры» в трактовке философа — «это живые мыслительные речевые акты, вплетённые в сложную ткань многообразных форм человеческой деятельности» Номо Ludens («человека играющего») в различных его ипостасях — смеющегося, бранящегося, молящегося и т.д., а также *«переводящего с одного языка на другой»*.

Исходя из известных определений Н.Д. Арутюновой: «Дискурс <...> текст, взятый в событийном аспекте» и «Дискурс — это речь, “погружённая в жизнь”» (Арутюнова, 1990: 136–137), мы интерпретируем философскую идею «языковых игр» Л. Витгенштейна как *«дискурсивные игры»* (Wittgenstein, 2009; Витгенштейн, 2011: 30–31).

Теория «языковых / дискурсивных игр» нашла своё отражение в разработанной нами «Дискурсивно-игровой когнитивно-герменевтической парадигме перевода», содержащей в себе дискурсивно-переводоведческое, переводческое и переводное триединство (см.: Мишкuroв, Новикова, 2020: 2024).

Предлагаем триединую дискурсивно-философскую матрицу, включающую в себя *«переводоведческий дискурс»*, *«переводческий дискурс»* и *«переводной дискурс»*.

*«Переводоведческий дискурс»* с философской точки зрения трактуется как гибридный теоретико-риторический конструкт, базирующийся на классификации дискурсов известного философа К.А. Павлова-Пинуса, оперирующего оппозицией «теоретический дискурс»: «риторический дискурс». Разъясняя эту антиномию, учёный констатирует, что «целью теоретического дискурса является он сам и та понятность, которую он формирует; целью же риторического дискурса является что-то иное и внешнее по отношению к нему» (см.: Павлов-Пинус, 2017: 110).

Применительно к переводоведению данное разделение означает разграничение соответствующих дискурсов на два класса — *тео-*

*речические / научные и риторические*. Теоретическая часть является собой научно трансдисциплинарную, концептуально-когнитивную область познания сущности перевода как двуязычного посредничества в соответствующей сфере межкультурной коммуникации. В неё включается всё разнообразие стратегий и тактик перевода, которые обеспечивают прагматическую реализацию институциональных и других видов дискурсов на базе дискурсивно-игровой методологии в виде соответствующих речевых актов, тесно связанных с соответствующими формами жизнедеятельности.

Риторические дискурсы реализуются в социуме в виде соответствующих *институциональных дискурсов* — политического, дипломатического, военного, делового, художественного, юридического и др., а также *лично-ориентированных* — бытовых, бытовых и т.п.

Переводоведческий дискурс является теоретико-методологическим базисом для профессиональной деятельности переводчика в рамках так называемого «*переводческого дискурса*».

Некоторые зарубежные и отечественные учёные, пишет К.И. Леонтьева, выражают мнение о том, что так называемая “Translation Studies” (наука о переводе, переводоведение) ныне трансформируется в “Translator Studies” (науку о переводчике) (см., наприм.: Леонтьева, 2022: 5). Идея не нова — это не более чем частный взгляд отдельных квазипереводоведов, разуверившихся по тем или иным причинам в адекватности науки о переводе. Такой подход является не более чем субъективно-ориентированным архиантропоцентрическим подходом к профессиональной переводческой деятельности. Давно не секрет, что лучшими переводчиками оказывались именно ведущие переводоведы — «несть числа примерам»!

Терминопонятие «*переводческий дискурс*» впервые в русле когнитивно-коммуникативного подхода к процессу перевода был введён в отечественный научный оборот в 2004 г. Г.Д. Воскобойником. Его сущность трактуется учёным как разновидность *аргументативного дискурса*, в рамках которого переводчик как «комментатор / критик» использует адекватные способы и приёмы двуязычной коммуникации с целью убеждения «антагониста-читателя» в корректности / некорректности своего или чужого перевода» (Воскобойник, 2004: 71, 136 и др.).

В свою очередь Э.Ю. Новикова и А.П. Наумова, характеризуя роль *переводчика* в создании *переводческого дискурса*, констатируют: «Переводчик выступает *агентом дискурса*, он наделён дис-

курсивным мышлением, как любая языковая и коммуникативная личность, и координирует коммуникативный сценарий конкретного дискурса», неся персональную ответственность за конечный результат работы (Новикова, Наумова, 2021: 6).

Схожую идею развивает К.И. Леонтьева в своей докторской диссертации, помещая личность переводчика в центр антропоцентрической концепции перевода, в которой он является активным «субъектом дискурсивной деятельности» и в сознании которого отражаются соответственно «биологическое, психическое, социокультурное и семиотическое измерения дискурса». При этом понятие дискурса рассматривается как «опосредованная языком и текстом форма (область и процесс) когнитивного взаимодействия переводчика с миром произведения и социокультурной реальностью», осуществляемого при помощи когнитивных механизмов — «способов обработки информации сознанием в процессе (с целью) смыслообразования, схематизации опыта, образования знания и оперирования им в деятельности» по переводу, в частности, на материале англоязычных художественных произведений XIX–XX веков (Леонтьева, 2022: 4).

Подводя итог научной дискуссии, выскажем наше собственное мнение по данной проблеме. Полагаем, что терминопонятие *«переводческий дискурс»*, следует интерпретировать как *фатическую (контактоустанавливающую), этнопсихокультурную речевую персональную деятельность*<sup>3</sup> *билингва-посредника по обеспечению взаимопонимания разноязычных коммуникантов посредством разнообразных способов и форм общения — устных или письменных, личностных или технически опосредованных, результатом которой является «переводной дискурс».*

*«Переводной дискурс»* — это ситуативно порождённый переводческий контент, материально зафиксированный на бумажных или традиционных звуко-технических носителях, или репрезентируемый в виде текстового интернет-контента и т.п. Как правило, переводной дискурс представляет собой заказное, целевое, вторично-знаковое в когнитивно-коммуникативном измерении речевое произведение — конструкт, порождённый переводчиком на ином языке в устной или письменной форме с большей или меньшей степенью контекстно-смысловой аппроксимации по отношению к оригиналу.

---

<sup>3</sup> При определённых условиях (например, при необходимости срочного перевода значительных массивов исходных текстов) может осуществляться коллективный перевод (см.: так называемый ‘crowdtranslation’ / ‘crowdsourcing’ in translation).



Резюмируя вышеизложенные теоретико-прагматические максимы о типологии дискурсов в современной транслатологии, отмечаем, что переводчики в рамках переводческого дискурса, используя стратегии и тактики, способы и приёмы, наработанные в рамках переводоведческого дискурса, применяют их в структуре переводного дискурса. В результате порождается квалифицированный перевод, оптимально построенный на переводческих языковых соответствиях, а при отсутствии оных — на использовании дискурсивно-игровых манипулятивных способах и приёмах построения целевого текста при помощи вольного/свободного переложения оригинала, желательно в приемлемой для реципиента форме (подробнее см.: Мишкур, Новикова, 2024).

### **О переводческом когнитивно-герменевтическом методологическом стандарте**

8. Теоретико-методологический функционал означенного дискурсивного триединства практически реализуется в рамках **переводческого когнитивно-герменевтического методологического стандарта**, на уровнях когниций **предпонимания, понимания, интерпретации и принятия переводческого решения**.

Когниция **предпонимания**, как аксиологически важное философско-методологическое понятие, «ассоциируется нами с тем, что предшествует ясности понимания чего бы то ни было: текста, слова, отдельной формы, реплики, жеста, знака, наконец, подтекста, кроющегося в этих знаках, жестах или фразах». Кроме того, «философская герменевтика использует понятие “предпонимание” также и в более широком контексте, для обоснования методологии понимания» (Шульга, 2004: 1, 3, 9).

Когниция предпонимания представляет собой расширенный трансдисциплинарный анализ ИТ с целью перехода к более развёрнутой части переводческого процесса — к стадии **понимания** ИТ. С помощью предпонимания устанавливаются оптимальные «горизонты понимания», т.е. степень осмысления глубин и границ проникновения в ИТ.

Когниция **понимания** являет собой базис любого языкового и межкультурного посредничества. Понимание — это преодоление «чуждости» ИТ, уяснение и усвоение его смысла, расшифровка недосказанных и невыраженных скрытых интенций автора, вживание в суть его «языковых игр», осмысление культурных, лингвоэтических структур контекста, подтекста и затекста, представление пропозиционной аксиологической характеристики авторского

дискурса по критерию достоверности, истинности / неистинности смыслов, его нормированности и измерения по шкале «форенизации / доместикации».

Фаза **интерпретации** является предпоследней архиважной когницией в преодолении переводчиком «когнитивного диссонанса» — иноязычной «заградительной когнитивно-культурной само-сти» исходного текста, осмыслении на языке перевода его затекста, контекста, подтекста и глубинной концептосферы образно-символической картины мировидения автора. Задача интерпретации также заключается в выборе переводчиком рабочей стратегии и тактики по «форенизации» или «доместикации» перевода, в переборе вариантов перевода закономерных переводческих соответствий и преодоления «когнитивной непереводимости» с помощью соответствующих двуязычных тематических скриптов (фреймов), а также выборе единственного оптимального варианта как базы для принятия итогового «переводческого решения» на эквивалентно-адекватное уподобление транслята оригиналу.

В отличие от философско-герменевтической трактовки понятия «интерпретация смыслов» одноязычных штудий в качестве завершающего этапа их феноменологической редукции, в переводческой деятельности интерпретация предшествует заключительной стадии — *«принятию переводческого решения»*.

Когниция **принятия переводческого решения** есть свидетельство выбора оптимального, по мнению переводчика, текста для данного оригинала в заданных хронотопных условиях варианта, полученного путём выбора наиболее редуцированного подхода к стратегии и тактике решения проблемы «непереводимости», преодоления чуждости ИТ на соответствующих когнитивно-коммуникативных и прагмалингвистических уровнях взаимовосприятия ИТ и ТП. Переводческое решение — это порождение окончательного результирующего «дискурсивно-игрового / адекватного, прагматического или вольного» переводного текста, отчуждаемого в сферу читательской рефлексии. Переводческое решение символизирует творческую победу по преодолению чуждости ИТ и презентации ТП как «иноязычного шедевра» на иноязыке читательской аудитории (см.: Мишкур, Новикова, 2020, 2024).

### **Об опыте философско-переводческой критики**

9. А в ситуации с «философским переводом как особым произведением, пишет В.В. Миронов, вполне допустима ситуация, когда авторский текст после интерпретационно-адаптационной работы

над ним переводчика может значительно отличаться от своего изначального варианта с позиций передачи смысла и значения при сохранении внешней схожести с ним. <...>. Многие философские тексты — подчёркивает учёный — представляют огромную проблему для переводчиков. Перевод философских текстов всегда представляет его *интерпретацию и адаптацию* к воспринимающей культуре». Таким образом, констатирует учёный, «в основе философской рефлексии как наиболее общего метода рассуждения лежит герменевтическая интерпретация, осуществляющая нахождение и конструирование общекультурных и личностных смыслов бытия и человеческого существования» (Миронов, 2008: 13–28).

Иное дело мы наблюдаем при ничем не оправданном уничтожительном отношении переводчика к рабочему ЯП. В качестве примера приведём неудачный перевод А. Давыдова с французского языка «Книги Гостеприимства» Эдмона Жабеса на русский язык, прокомментированный С.Л. Фокиным. Читаем: «Переводчик почему-то сомневается, что русский язык готов к встрече с Жабесом <...>. Создаётся такое впечатление, пишет С.Л. Фокин, что «вслед за М. Хайдеггером, А. Давыдов всерьёз полагает, что язык есть дом бытия, если вообще не дача оно, то есть нечто данное, уже готовое или ещё не готовое, недостроенное и недоделанное». Его переводной словарь явно упрощён, как если бы «он ставил перед собой поистине толстовскую задачу: опростить русский язык, сделать родную речь такой простой, что проще не бывает». Для переводчика кажется неприемлемым использование слов типа «номад» вместо «кочевник».

Фокин недоумевает, почему «многие хоть сколько-нибудь замысловатые фразы Жабеса выливаются в какие-то инфантильные переложения, где теряется рисунок, ритм, само дыхание французского текста. Оригинал: «Tu parviendras, une seule fois, à l'exprimer, au cours de ton existence et ce sera lors de ton ultime tête-à-tête avec la mort». Филологический перевод: «В ходе твоего существования единожды дойдёшь ты до того, чтоб это выразить, и будет это во время твоего лобового столкновения со смертью». В переводе А. Давыдова: «Только один раз тебе удастся это выразить — во время последних посиделок со смертью», что сбивает приподнятый слог повествования на напев русской частушки и т.д.

Тем не менее, деликатно подчёркивает Фокин, «крайне важно, что одна из лучших книг Э. Жабеса дошла до русского читателя. Наряду со многими промахами и упущениями в переводе А. Давыдова встречаются замечательные находки, свидетельствующие

о том, что *современный русский язык вполне способен* оказать достойный приём этой поэзии странничества и изгнанничества при том, правда, условии, что переводчик рискнёт попытаться счастья вне того языка, что воспринимается как дом родной, рискнёт выйти на порог и за порог родной речи, словом, не побоится стать номадом, чтобы провести современный русский язык к новым живительным источникам» (Фокин, 2012).

### **Философия дидактики перевода**

10. Отрадно, что только в одном 2020 г. в разных университетах страны — в Новосибирском государственном техническом университете и в Пермском государственном национальном исследовательском университете были опубликованы два учебных пособия, соответственно «Теория перевода (онтологические основания)» О.Г. Шевченко и «Современные теории перевода: тенденции развития отечественной транслятологии» Н.В. Шутёмовой, в первом из которых автор в заострённой форме ставит вопрос: «Почему мы начинаем разговор о переводе с философии?». Ответ таков: «Потому, что переводческая практика, существующая уже более 20 веков, доросла до науки о переводе не более полувека назад. Тот факт, что возникновение науки о переводе на 20 веков отстаёт от практики, при всей парадоксальности объясняется вполне объективными причинами. Теория перевода не могла появиться до тех пор, пока не были созданы предпосылки в области ряда наук, которые можно считать фундаментальными в сфере переводоведения».

Проследивая историю философской переводческой мысли, автор абрисом характеризует динамику развития философского направления в переводе от господства лингвистической теории перевода до современных трудов Н.С. Автономовой, Г.Д. Воскобойника, В.В. Бибихина, В.И. Фролова и др. В центре внимания автора пособия стоят такие проблемы, как апория «переводимости — непереводимости», смысловая основа перевода, философско-герменевтические проблемы перевода, концепция преломления философии и перевода и другие не менее философски релевантные вопросы, которые в учебной литературе традиционного направления должного научно-дидактического освещения не получали (Шевченко, 2020: 5–6).

Как обычно задаётся сакраментальный вопрос: «Нужно ли переводчику знать теорию перевода», ведь (якобы) «долгое время переводчики без неё обходились и как-то не особенно страдали. Они и до сих пор предаются иллюзии, что знания конкретных при-

ёмов на каждый случай и личного опыта достаточно, чтобы быть профессионалом <...>. Это действительно иллюзия. Современная теория перевода показывает, что у сложных случаев и сложное объяснение, но оно есть. Знание теории поможет переводчику убедиться, что его решение объективно. Многие известные переводчики (они же чаще всего являются и выдающимися переводоведами! — Э.М.) занимаются сейчас теоретическими обобщениями!»

Автор считает, что «роль философии должна заключаться в разработке терминологии и понятийной базы для помощи в выборе конкретного варианта перевода. А одной из задач теории перевода стала бы интерпретация и адаптация философских идей. Другая взаимосвязь перевода и философии — в предписывающем характере действий переводчика. Если мы хотим предписывать, т.е. открыто принимать сторону того или иного подхода (преподавание чаще всего к этому обязывает), то без философии уже не обойтись» (Там же: 6–10).

Несколько иной подход к проблеме у Н.В. Шутёмовой: после содержательной авторской преамбулы о путях и методах развития современного переводоведения, она на примере ряда работ известных российских учёных представляет квинтэссенцию их теоретико-методологических разысканий, а далее формулирует для обучаемых соответствующие вопросы / задания для самостоятельного изучения репрезентированных научных источников. В общей сложности список цитируемых авторов насчитывает 8 имён, в их числе *А.Г. Минченков*, разработавший оригинальную когнитивно-эвристическую модель перевода; *Г.Д. Воскобойник*, исследовавший философскую трактовку понятий общей когнитивной теории перевода; *М.Г. Новикова*, представившая оригинальную теорию «меры смысла», которая определяет минимальное количество элементов высказывания, необходимое и достаточное для репрезентативного понимания ИТ в дискурсивной динамике перевода; *Е.Ю. Куницина*, разработавшая лингвистические основания юридической теории художественного перевода; *Л.В. Кушнина*, создавшая теорию гармонизации с гештальтсинергетических позиций, ключевым понятием которой является «переводческое пространство»; *Н.М. Нестерова*, раскрывшая в теории перевода понятие «вторичности» в русле философии постмодернизма как проявление интертекстуальности, на котором базируется интертекстуальная модель перевода; *Т.А. Казакова*, объединившая при переводе содержательно-смысловые категории художественного текста посредством ключевой категории художественной информации и др.

Указанные труды отечественных учёных представляют собой существенную часть современных научных штудий, адекватно отражающих современное состояние российского переводоведения.

Во второй части работы также рассматривается такая доминанта переводческого процесса, как *типология переводимых текстов*, исследуемая в трудах ряда видных отечественных и зарубежных переводоведов — имярек: Алексеева, Галеева, Юзманов, Bassnett, Finnegan, Hunt, Weissbort и др. (Шутёмова, 2020: 61–88 и др.)

Таким образом, вышеназванные авторы учебных пособий представили фактически прообраз так называемого ныне активно развиваемого «академического дискурса (АД)».

**11.** Как отмечает Л.А. Манерко, «академический дискурс отражает некий реальный мир на основе экспериментального, теоретического или другого вида знаний. Он основан на понятиях, фактах, теориях, которые трактуются учёными-специалистами в соответствующей области интеллектуально-прагматической деятельности». При этом академический дискурс реализуется как в устной, так и в письменной формах выражения и передачи информации с использованием когнитивной и коммуникативной функций миропонимания (Манерко, 2013: 114–116).

Таким образом очевидно, что академический дискурс — это органический философско-интеллектуальный способ коммуникативного взаимодействия членов общества в сфере науки, высшего образования и соответствующей практической деятельности.

Применительно к проблемам перевода АД можно трактовать как триединство дискурсов «переводоведческого», «переводческого» и «переводного», репрезентирующих соответствующие теоретико-методологические области знаний о переводе, его реализацию в когнитивно-переводческой деятельности переводчика, обученного по стандартам отечественного переводоведения, которые позволяют ему порождать переводной дискурс как ситуативно созданный переводческий контент, материально зафиксированный на бумажных или традиционных звуко-технических носителях, или репрезентируемый в виде текстового интернет-контента и т.п.

Подытожим: в трактовках академического дискурса отечественными и зарубежными учёными указывается как его теоретическая, так и его вторая очень важная прикладная сторона, заключающаяся, в частности, в формировании соответствующих метаязыков обучения, которые служат, с одной стороны, для «создания устных и письменных текстов различных научных жанров в академических контекстах у определённого дискурсивного сообщества», и, с дру-

гой стороны, для разработки основ овладения конкретной учебной дисциплиной — в нашем случае — теорией и методологией перевода — с целью формирования у обучаемых академическо-образовательных компетенций, необходимых для успешной научно-образовательной и практической деятельности (Стеблецова, 2020: 12).

### **Заключение**

В заключение нашего исследования констатируем, что дискурсивно-людические, философско-эпистемологические и когнитивно-герменевтические, а также лингвокультурологические, этнопсихолингвистические и прочие научно-методологические подходы гарантируют успешное всестороннее развитие современной отечественной и зарубежной транслатологии, а также соответствующих им дидактико-методических способов и приёмов подготовки переводческих кадров на нынешнем этапе развития человеческого общества.

**P.S.** Использованием автором в качестве эпиграфа высказывание видного английского учёного философа и переводоведа Джона Р. Фёрса (1890–1960) подчёркивается неразрывная связь отечественной и зарубежной транслатологии. Но это уже тема другого исследования...

### **Список литературы**

- Автономова Н.С.* Перевод и непереводаемость: европейская перспектива // Вестник РУДН. Серия Филология, 2012. № 4. С. 6–16.
- Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования. М.: АСТ: Астрель, 2011.
- Воскобойник Г.Д.* Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода. Автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2004. 41 с.
- Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Под редакцией В.Н. Комиссарова. М.: Международные отношения, 1978. 232 с.
- Кодухов В.И.* Развитие лингвистической теории в академии наук СССР // Вопросы языкознания, М. 1974. № 3. С. 27–37.
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. Курс лекций. М.: ЭТС. 1999. 192 с.
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
- Леонтьева К.И.* Когнитивно-семиотическая модель перевода: доминанты, перспектива, дискурс (на материале русских переводов произведений англоязычной литературы XIX–XX веков). Автореф. дисс... д. филол. н. Тверь, 2022. 46 с.

Манерко Л.А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2013. № 1. С. 100–118.

Миронов В.В. Интерпретация как выражение гуманитарной сущности философии // Вестник Московского университета. Сер. 22 Теория перевода, 2008. № 1. С. 13–28.

Мишуров Э.Н. Быть или не быть отечественному переводоведению академической наукой? // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. Изд-во Моск. ун-та, 2024. № 1. С. 7–31.

Мишуров Э.Н. О когнитивно-герменевтических пролегоменах к современной теории и методологии перевода // Когнитивные исследования языка в современном глобальном мире. Вып. XXXIV. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова; Неолит, 2018. С. 874–877.

Мишуров Э.Н., Новикова М.Г. Переводимость — непереводимость: Былое и думы... М.: ФЛИНТА, 2024. 248 с.

Мишуров Э.Н., Новикова М.Г. Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении. М.: ФЛИНТА, 2020. 300 с.

Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе от древности до наших дней. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2008. 416 с.

Новикова Э.Ю., Наумова А.П. Переводческий дискурс 4.0: разнообразие форматов, жанров и трендов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание, 2021. Т. 20, № 3. С. 5–17.

Павлов-Пинус К.А. Дискурс научности и научные дисциплины // Нетерина С.С. и др. Апории дискурса. М.: ИФ РАН, 2017. С. 107–117.

Рябова М.Э. Философские основания перевода: «между Сциллой и Харибдой» // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. №3 (39), 2017. С. 56–63.

Рябова М.Э. Философские основы перевода. (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://study-english.info/article033.php>

Смирнов А.В. Философия перевода и перевод философии // Философский журнал. № 1 (8). М.: ИФ РАН, 2012. С. 40–58.

Стеблецова А.О. Академический дискурс в западных исследованиях на рубеже XX–XXI вв.: эволюция направлений и концепций // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание, 2020. Т. 19. № 5. С. 5–13.

Тейтельбаум Е.С. Философия перевода: попытка построения чистой теории // Теория познания и логика, 2007. (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://tempusetmemoria.ru/article/view/359>

Фёдоров А.В. Введение в теорию перевода. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 376 с.

Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2006. 1072.

Фокин С.Л. Гостеприимство и перевод // «Синий диван», 2012. № 16. (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://morebook.ru/tema/kritika/item/%D0%B3%>

Фокин С.Л. (а) К философии перевода: будущее одной науки // Вестник Ленинградского гос. университета им. А.С. Пушкина, 2010. (Электрон-



ный ресурс). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-filosofii-perevoda-buduschee-odnoy-nauki>

*Фокин С.Л.* (б) Перевод как незадача русской философии: к критике концепции мимесиса В.А. Подороги // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология, 2010. № 2 (8). С. 109–125.

*Шевченко О.Г.* Теория перевода (онтологические основания). Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2020. 223 с.

*Шульга Е.Н.* Проблематика предпонимания в герменевтике, феноменологии и социологии. М., 2004. (Электронный ресурс). Режим доступа: [https://iphras.ru/elib/Shulga\\_Predponimanie.html](https://iphras.ru/elib/Shulga_Predponimanie.html)

*Шутёмова Н.В.* Современные теории перевода: тенденции развития отечественной транслатологии. Учебное пособие. Пермь, 2020. 106 с. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/shutyomova-sovremennye-teorii-perevoda-tendencii-razvitiya-otechestvennoj-translyatologii.pdf>

*Jakobson R.* (1966) On Linguistic Aspects of Translation. R.A. Broder (ed), On Translation. New York. 234 p.

*Ladmiral J.-R.* (1994) Traduire: théorèmes pour la traduction. Paris: Galimard, 1994.

*Wittgenstein L.* (2009) Philosophical investigations. The German text, with an English translation by G.E. Anscombe, P.M.S. Harker and Joachim Schulte. Blackwell Publishing Ltd.

## References

*Avtonomova N.S.* (2012) *Perevod i neperevodimost: evropejskaya perspektiva = Translation and Untranslatability: A European Perspective. Vestnik RUDN. Seriya Filologiya.* No. 4, pp. 6–16 (In Russian).

*Arutyunova N.D.* (1990) *Diskurs = Discourse. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar.* Moscow, pp. 136–137 (In Russian).

*Jakobson R.* (1966) On Linguistic Aspects of Translation. R.A. Broder (ed.), On Translation. New York. 234 p.

*Ladmiral J.-R.* (1994) Traduire: théorèmes pour la traduction. Paris: Galimard, 1994.

*Koduhov V.I.* (1974) Razvitie lingvisticheskoy teorii v akademii nauk SSSR = Development of linguistic theory in the USSR Academy of Sciences. *Voprosy yazykoznaniya*, Moscow. No. 3, pp. 27–37 (In Russian).

*Komissarov V.N.* (1999) *Sovremennoe perevodovedenie. Kurs lekcij = Modern Translation Studies. Lecture Course.* Moscow: ETS. 192 p. (In Russian).

*Komissarov V.N.* (1990) *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) = Translation theory (linguistic aspects): Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz.* Moscow: Vyssh. shk. 253 p. (In Russian).

*Leonteva K.I.* (2022) *Kognitivno-semioticheskaya model perevoda: dominanty, perspektiva, diskurs (na materiale russkih perevodov proizvedenij angloyazychnoj literatury XIX–XX vekov) = Cognitive-semiotic model of translation: dominants, perspective, discourse (based on Russian translations*

of works of English-language literature of the 19th–20th centuries). Avtoref. diss. ... d. filol. n. Tver. 46 p. (In Russian).

*Manerko L.A.* (2013) *Struktury znanij, predstavlennye v hudozhestvennom i akademicheskom diskursah = Knowledge structures presented in artistic and academic discourses. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda. No. 1, pp. 100–118 (In Russian).*

*Mironov V.V.* (2008) *Interpretaciya kak vyrazhenie gumanitarnoj sushnosti filosofii = Interpretation as an expression of the humanitarian essence of philosophy. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22 Teoriya perevoda. No. 1, pp. 13–28 (In Russian).*

*Mishkurov E.N.* (2024) *Byt ili ne byt otechestvennomu perevodovedeniyu akademicheskoy naukoj? = To be or not to be Russian translation studies as an academic science? Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. No. 1, pp. 7–31 (In Russian).*

*Mishkurov E.N.* (2018) *O kognitivno-germenevticheskikh prolegomenah k sovremennoj teorii i metodologii perevoda = On cognitive-hermeneutic prolegomena to modern theory and methodology of translation. Kognitivnye issledovaniya yazyka v sovremennom globalnom mire. Issue XXXIV. Moscow: MGU imeni M.V. Lomonosova; Neolit, pp. 874–877 (In Russian).*

*Mishkurov E.N., Novikova M.G.* (2024) *Perevodimost — neperevodimost: Byloe i dumy... = Translatability — untranslatability: Past and thoughts... Moscow: FLINTA. 248 p. (In Russian).*

*Mishkurov E.N., Novikova M.G.* (2020) *Teoriya i metodologiya perevoda v kognitivno-germenevticheskom osveshenii = Theory and methodology of translation in a cognitive-hermeneutic light. Moscow: FLINTA. 300 p. (In Russian).*

*Nelyubin L.L., Huhuni G.T.* (2008) *Nauka o perevode ot drevnosti do nashih dnei = The Science of Translation from Antiquity to the Present Day. 2-e izd. Moscow: FLINTA. 416 p. (In Russian).*

*Novikova E.Yu., Naumova A.P.* (2021) *Perevodcheskij diskurs 4.0: raznoobrazie formatov, zhanrov i trendov = Translation Discourse 4.0: Diversity of Formats, Genres and Trends. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie. Vol. 20. No. 3, pp. 5–17 (In Russian).*

*Pavlov-Pinus K.A.* (2017) *Diskurs nauchnosti i nauchnye discipliny = Discourse of scientificity and scientific disciplines. Neterina S.S. i dr. Aporii diskursa. Moscow: IF RAN, pp. 107–117 (In Russian).*

*Ryabova M.E.* (2017) *Filosofskie osnovaniya perevoda: «mezhdru Scilloj i Haribdoj» = Philosophical basis for translation: “between Scylla and Charybdis”. Gumanitarij: aktualnye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya. No. 3 (39), pp. 56–63 (In Russian).*

*Ryabova M.E.* *Filosofskie osnovy perevoda = Philosophical foundations of translation. (Electronic resource). URL: <https://study-english.info/article033.php>*

*Smirnov A.V.* (2012) *Filosofiya perevoda i perevod filosofii = Philosophy of translation and translation of philosophy *Filosofskij zhurnal*. No. 1 (8). Moscow: IF RAN, pp. 40–58 (In Russian).*

*Steblecova A.O.* (2020) Akademicheskij diskurs v zapadnyh issledovaniyah na rubezhe XX–XXI vv.: evolyuciya napravlenij i koncepcij = Academic discourse in Western studies at the turn of the 20th–21st centuries: the evolution of trends and concepts. *Vestnik VolGU. Seriya 2. Yazykoznanie*. Vol. 19. No. 5, pp. 5–13 (In Russian).

*Tejtelbaum E.S.* (2007) *Filosofiya perevoda: popytka postroeniya chistoj teorii = Philosophy of Translation: An Attempt at Constructing a Pure Theory*. Teoriya poznaniya i logika. (Electronic resource). URL: <https://tempussetmemoria.ru/article/view/359>

*Fyodorov A.V.* (1958) *Vvedenie v teoriyu perevoda = Introduction to Translation Theory*. Moscow: Izdatelstvo literatury na inostrannyh yazykah. 376 p. (In Russian).

*Filosofiya: Enciklopedicheskij slovar = Philosophy: Encyclopedic Dictionary* Moscow: Gardariki, 2006. 1072 p. (In Russian).

*Fokin S.L.* (2012) *Gostepriimstvo i perevod = Hospitality and translation*. “Sinij divan”. № 16. (Electronic resource). URL: Rezhim dostupa: <https://morebook.ru/tema/kritika/item/%D0%B3%>

*Fokin S.L.* (2010) (a) *K filosofii perevoda: budushee odnoj nauki = Towards the Philosophy of Translation: The Future of One Science*. *Vestnik Leningradskogo gos. universiteta imeni A.S. Pushkina*. (Electronic resource). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-filosofii-perevoda-budushee-odnoy-nauki> (In Russian).

*Fokin S.L.* (2010) (b) *Perevod kak nezadacha russkoj filosofii: k kritike koncepcii mimesisa V.A. Podorogi = Translation as a Failure of Russian Philosophy: Towards a Critique of V.A. Podoroga’s Concept of Mimesis*. *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya*. No. 2 (8), pp. 109–125 (In Russian).

*Shevchenko O.G.* (2020) *Teoriya perevoda (ontologicheskie osnovaniya) = Translation theory (ontological foundations)*. Novosibirsk: Izd-vo NGTU. 223 p. (In Russian).

*Shulga E.N.* (2004) *Problematika predponimaniya v germenевtike, fenomenologii i sociologii*. (Electronic resource). URL: [https://iphras.ru/elib/Shulga\\_Predponimanie.html](https://iphras.ru/elib/Shulga_Predponimanie.html)

*Shutyomova N.V.* (2020) *Sovremennye teorii perevoda: tendencii razvitiya otechestvennoj translatologii = Modern theories of translation: trends in the development of domestic translatology*. Uchebnoe posobie. Perm, 106 p. (Electronic resource). URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/shutyomova-sovremennye-teorii-perevoda-tendencii-razvitiya-otechestvennoj-ranslyatologii.pdf>

*Jakobson R.* (1966) *On Linguistic Aspects of Translation*. R.A. Broder (ed.), *On Translation*. New York. 234 p.

*Ladmiral J.-R.* (1994) *Traduire: théorèmes pour la traduction*. Paris: Galimard.

*Vitgenshtejn L.* (2011) *Filosofskie issledovaniya = Philosophical Research*. Moscow: AST: Astrel (In Russian).

*Voskobojnik G.D.* (2004) *Lingvofilosofskie osnovaniya obshej kognitivnoj teorii perevoda = Linguistic and philosophical foundations of the general*

cognitive theory of translation. Avtoref. diss... d. filol. n. Moscow. 41 p. (In Russian).

Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike = Translation Theory Issues in Foreign Linguistics. (1978) Pod redakciej V.N. Komissarova. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 232 p. (In Russian).

*Wittgenstein L.* (2009) Philosophical investigations. The German text, with an English translation by G.E. Anscombe, P.M.S. Harker and Joachim Schulte. Blackwell Publishing Ltd.

#### **ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:**

*Мишкuroв Эдуард Николаевич* — доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; axmed1232@mail.ru

#### **ABOUT THE AUTHOR:**

*Eduard N. Mishkurov* — Dr. Sc. (Philology), Professor, Honorary Figure of Russian Higher Education; Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Building 51, the 1<sup>st</sup> Building of Humanities, 1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russia; axmed1232@mail.ru

**Конфликт интересов:** Положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

**Conflict of interests:** The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.